

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Р О З Д Ъ Л Ъ II.

О пороку отъ Твардовского на Козаковъ износимомъ, и о взаимномъ пороку отъ Козаковъ на Поляковъ творимомъ, взглядомъ непостоянства и початковъ ихъ до войны зъ Хмелницкимъ; о битвахъ и многихъ кровопролитіяхъ Лядскихъ зъ Хмелницкимъ, на розныхъ мѣстцахъ розныхъ роковъ бывшихъ, и о руйнѣ Полци и Малой Россіи чрезъ тое станулой.

Описуючи Твардовскій вѣршомъ Полскимъ войну Хмелницкого зъ Поляки на Батозѣ въ року 1653, а подлугъ лѣтописцовъ Козацкихъ въ року 1652 бывшую, зашталтовалъ самій оной початокъ въ части третьей книги своея, на листѣ 66, панагиричными хитрословесными албо рачей суесловесными до Короля Яна Казѣмира рѣчами; и жаднихъ ннихъ той Батогской войнѣ неположилъ причинъ и початковъ, тилко тое на ганбу Козацкую доложилъ, ижъ вщалася оная война и пожаръ страшній зъ самой одной Козацкой и Хмелницкого ку Полякомъ злости, зажартости и натури всегда до отмѣны склонной. Козацкіе зась лѣтописци согласно все тое приписують Полякамъ, ижъ они, зъ своей власной високомѣрной гордости, злости и ку Православнимъ Руссомъ и Козакамъ гнѣвной зажартости и натуральной до панованна хтивости а не ситой до приобрѣтєннѣ богатствъ склонности и добру людскому заздности, всему злу и кровопролитію каждого року

суть початкомъ и виною; хотячи непремѣнно все тое благополучными видѣти skutками, що въ своихъ думовинеслихъ мозковняхъ усовѣтовали и постановили. Бо яко самій початокъ войны Хмелницкого зъ власной причини, чрезъ Чаплинского и инихъ ему подобнихъ легкомислихъ на Украинѣ бывшихъ старостокъ и дозорцовъ Лядскихъ стануль (о чомъ зъ початку сей гисторіи ясно дается зрѣти), такъ и иншіе потомъ бывшіе войны и кровопролитія зъ ихъ же Полской стороны всегда свой начатокъ имѣли: нехай скажетъ трактатъ Зборовскій зъ самимъ Найяснѣйшимъ Королемъ Яномъ Казѣмѣромъ и зо всею рѣчю посполитою тамъ бывшою постановленній и закрѣпленій, хто его нарушити и розорвати на сеймѣ валномъ рождественскомъ Варшавскомъ, въ року 1650 бывшомъ, желалъ и кричалъ — не Поляки ли? свѣдѣтельствуеть о томъ и ихъ авторъ Твардовскій на листѣ семомъ, въ части второй своей книги. Нехай возглаголють и пакта Бѣлоперковскіе, зъ Поляками и зъ Хмелницкимъ заключенній и присягами зъ обохъ сторонъ утверженній, хто ихъ желалъ зкасовати и уничтожити — не Поляки ли? не молчить о семъ со мною и Твардовскій, гди въ части третьей своей помененной книги короткими и скритими словками вспомиѣлъ постановленную зъ Козаками линѣю и тяжести Украинскіе, отъ жолнѣровъ Полскихъ тогда бывшіе. Тїи або вѣмъ панове Поляки, недоволи будучи многой крвѣ челоуѣческой пролитія перво на Жолтой Водѣ и подъ Корсуномъ, потомъ подъ Махновичами, Константиновомъ, Пилявою, Лвовомъ и Замостемъ, а потомъ подъ Збаражемъ и Зборовомъ; наконецъ третого лѣта подъ Берестечкомъ, уславши тамъ густо поля Берестецкіе премногими пяти народовъ, то есть Козацкими, Татарскими, Лядскими, Литовскими и Нѣмецкими зотяжними трупами, и виточивши тамъ и на иншихъ многихъ мѣстцахъ, особливе подъ Бѣлою Церквою, Кіевомъ, и Лоевомъ драгую и надъ

Дунайскіе струя болшую кровъ человѣческую, и приведши таковыми непогамованими на Козаковъ завязостями и ранкорами своими до послѣдней руини нетилко Украину Малоросійскую, но и Полскую свою державу малъ до самой Висли; кгда нетилко близшіи отъ Украины крѣпкіи тогда города Полскіи, яко то Константиновъ, Бердичевъ, Збаражъ и Львовъ, мусѣли руинѣ подлегати и..... дати, але и саміи крѣпчайшіи фортеци и замки ихъ, яко то Камянець Подолскій, Баръ, Нестерваръ, Замосте, Люблинъ, Броды, Слуцко, Олика и инніе многіе со всѣми своими повѣтами и уѣздами отъ оружія Козацкаго, при правдѣ и истинѣ своей за вѣру благочестивую Грекорускую и за древніе права и волности Козацкіе и всенародніе Украинскіе стоявшего, принуждени были трепетати и неменшіи ущербокъ относити. Присмотрися теде самъ добре любопытствующій чителнику въ Полскіе и Козацкіе лѣтописци, увидишь въ нихъ певне Козацкую невинность а Лядскіе до войны причини и хотѣнія: а я болшей о томъ рѣчи моеѣ неразшираючи, начинаю повѣствовати тебѣ экспедицію Хмельницкаго на Батогу зъ Поляками бывшую.

Р О З Д Ъ Л Ъ НН

О войнѣ Хмельницкого на Батогу зъ Поляками бывшой, зъ околичностями ея; о причинахъ Лядскихъ до оной, и заключенію трактату и амнистіи Бьлоцерковской; о фортелю Хмельницкого въ прибѣраніи на тую войну; о Калиновскомъ на Батогу зъ войскомъ ставшомъ, а ради своихъ Поляковъ и листовной Хмельницкого непослухавшомъ; о путешествіи фортелю Хмельницкого зъ синомъ и Карачъ Мурзою до Ладжиана и Батога; о вѣдомости у Калиновского о Хмельничку зъ малолюдствіемъ и о легкомысліи его; о переправѣ Хмельничкимъ и Карачъ Мурзою Бугу, о уторженіи ихъ подъ Батогомъ на войска Лядскіе, о поглощеніи чрезъ Татаръ обозу Лядского, и о страшной пораженіи заразъ тамъ же на голову всего войска короннаго, зъ Гетманомъ ихъ Калиновскимъ; о здобичи тогдашней Татарамъ и Козакамъ, и о артилеріи Полской Хмельничкимъ забраной; о выкупленіи чрезъ Хмельницкого у Татаръ лутшихъ невольниковъ Лядскихъ, и о одосланіи ихъ до Чигрина; о пороку Твардовского на Хмельницкого; о трупахъ Лядскихъ и о далшомъ прогресу Хмельницкого.

Экспедиція оная кровавая Хмельницкого зъ Поляки на Батогу отправившая, и многій плачь мешканцемъ Полскимъ сотворшая, зъ причинъ власнихъ Поляковъ бысть тако: Хмельницкій Гетманъ войска Запорожского и всея Малоросійскія по обохъ сторонахъ Днѣпра сущія Украины, по многихъ прежде описанныхъ трудахъ военныхъ, по заключеніи и присягою зъ обохъ сторонъ стверженіи пак-

товъ Вѣлоцерковскихъ, желалъ тишины и покоя себѣ и всему надврежденному прошлыми войсками народу Малоросійскому, и для того все исполнялъ и исполнити готовъ былъ зъ своей стороны тое, що пактами Вѣлоцерковскими поставлено: якожь на доводъ того велѣлъ по насилію Ллскому, хочъ и въ пактахъ не положено, уступовати Козакамъ зъ Кіева и Чернѣгова въ добра Королевскіе. Лечь кгда по знакахъ певнихъ и явнихъ увидѣлъ, же Поляки пакта Вѣлоцерковскіе отнюдъ зкасовали, и амнистію свою отринувши, жестоко и тиранско зъ Малоросійскимъ народомъ начаша обходити, и предѣли уставленнія своими консистенціями переходити, о самого его Хмелницкого голову старатися, и сватства зъ Господаремъ Волоскимъ умислили не допустити и возбранити; да и самъ Гетманъ коронній поставленого пункта о примиреніи Хана Королевѣ не исполнилъ и исполнити немислилъ, тилко его Хмелницкого отъ союзу и пріязни Ханской отторгнути потщался; мусялъ изнову до военного дѣйствія приклонитися, и зъ Ханомъ Кримскимъ союзъ свой поновивши, а на зашитъ своя и Малоросійскія цѣлости за оружіе принятися; но прежде военного skutку, такого зажити фортелю на обману Поляковъ.

Року тое дѣялося (яко и въ початку въ пятой части сея гисторіи виразилемъ) отъ рожества Господня подлугъ лѣтописцовъ Козацкихъ 1652-го, Хмелницкій маючи уже тихо прибравшоеся войско Козацкое въ поготовости и Орди зъ Карачъ Мурзою къ Чигрину въ близкости, розгласилъ въ народѣ Украинскомъ такую рѣчь, же мѣеть въ невеликомъ почтѣ войска Козацкого виправовати на веселе до Государа Волоского Тимоша сина своего, якожь и въ самой рѣчи было тое; а Король Полскій Янъ Казѣмиръ зъ сенаторами прошеніемъ Господарскимъ зневоленій, хотячи тому Хмелниченковому веселію препятіе учинити и самого въ руки свои загарбати, виправуетъ для заступленя Хмел-

ниченковъ пассивъ Калиновскаго Гетмана Полнаго короннаго, недавно тогда зъ неволѣ Кримской за денги свободившагося, вручивши подъ его коенду добраго коннаго и пѣшого кварцѣяльнаго войска до пятидесяти тысячъ; которое то войско звнугрѣ Полци вишедши, и до предѣловъ Украинскихъ надблнжившнся, пришло зъ собою въ несогласіе и непослушенство Гетману своему, не заховуючи ку нему таковой боязни и поволности якое заховивали покойному Потоцкому Гетману Великому коронному; раднло однакъ ему, жеби неидучи на самій шляхъ Хмелннченковѣ зъ Украины до Волохъ чрезъ Ладижинъ лежачій, удержался зо всѣмъ войскомъ въ сторонѣ около Браславля и Райгорода, а вивѣдовался лутше о Хмелннченковомъ до Волохъ вѣздѣ и асснстенціи. Калиновскій Гетманъ совѣта непослухавши, а прилѣжнѣше кривду свою прошлую отъ Хмелннцкаго станулюю на Хмелннченку поветовати и одомститя тцящнся, рушилъ просто и спѣшно ку Ладижину; где прибувши, станулъ въ некрѣпкомъ и голодномъ мѣстцу обозомъ между Ладижиномъ и горою Батогомъ, которая зъ поля прнтягла до рѣки Бугу, надъ которою и городъ Ладижинъ сидитъ више гори Батога въ одну чили у двѣ версти. Тамъ теди Гетманъ Калиновскій зъ войскомъ станувши, а мѣючи вѣдомость чрезъ шпѣговъ же и Хмелннченко зъ немногимъ Козацствомъ уже зъ Чнгрнна внбрался, и поволѣ идучи просто на Ладижинъ трактъ свой керуетъ, виправилъ противъ него малій и скритій подездъ свой, которій нѣгдесъ въ полю Хмелннченка зочнвши, прннеслъ ему Гетману певную о малолюдствн Хмелннченковомъ вѣдомость. Гетманъ засъ такую помнслную вѣдомость получнвши, радъ и певенъ былъ своего облову и крнвдн одомщеня на Хмелннченку, для чоо и обозу своего окопани неумощнлъ, бо о самомъ Хмелннцкомъ и Ордахъ жадной найменшой неимѣлъ вѣдомостн, и отнюдь нхъ за Хмелннченкомъ ку себѣ нечаялъ. Але Хмелннцкій

зъ Карачъ Мурзою маючи на пилномъ баченю Поляковъ, пакта Бѣлоцерковскіе скасовавшихъ, многіе бѣди разоренія и кровопролитія на Украинѣ сотворшихъ, сватства зъ Господаремъ Волоскимъ возбранити ему устремившихся, и не тилко на сына, но и на самого его Хмелницкого голову готовящихся, виправивши того сына своего Тимоша въ пяти чили въ шести толко тысячахъ на Ладижинъ до Волохъ, для понятія въ малженство себѣ Домни Господаровни Волоской, приказалъ ему ити по волѣ, на день по милѣ и по полтори милѣ; а тимъ часомъ заразъ войска Козацкого въ поготовости уже бывшаго до двадцяти и шести тысячъ, легко безъ тяжестей обозовихъ къ себѣ въ поле на мѣстце певное зъ полковниками ихъ призвавши, и зъ Карачъ Мурзою видѣвшись, утвердилъ совѣтъ и назначилъ именно день, въ которій мѣли Поляковъ на Батогу привитати; бо отъ Чигрина до Ладижина и Батогу заедво милъ Козацкихъ двадцять или двадцять пять будетъ. Итакъ, по розговору и совѣту зъ Карачъ Мурзою розлучившись, велѣлъ ему зъ Ордами лѣвою стороною ити до Батога, и низше оногo рѣку Бугъ преправити (понеже идучи отъ Чигрина до Ладижина и Батога реку Бугъ переходити требѣсть); а самъ въ тропи за синомъ просто на Ладижинъ рушилъ, и наготовавши въ той дорозѣ листъ до Гетмана Калиновского датою зъ Чигрина будто писаній, послалъ оній къ нему чрезъ нарочнихъ посланцовъ своихъ, самъ зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ станувши въ мѣстцахъ закритихъ (поневажъ былъ, яко вишей наменилось, по Ординцку въ легцѣ безъ тяжаровъ обозовихъ) тилко о три чили о двѣ мили отъ Ладижина, и синовѣ Тимошевѣ о мялю предъ собою бывшому, велѣлъ назадъ вернутися и при себѣ зоставати. Въ листѣ зась своемъ до Калиновского писаномъ доложилъ тое, что виправуетъ зъ Козаками и Татарами до Волохъ на веселе Тимоша сына своего, а дивуется тому, же онъ Калиновскій между

Батогомъ и Ладжиномъ невѣдомо для чого зъ многими войсками Полскими становши, заступилъ шляхъ его синовѣ; которому любо онъ Хмелницкій будто и приказалъ шляхъ Ладжиинскій, для войскъ Полскихъ тамъ бывшихъ, инимъ трактомъ обминути, однакъ варуется, аби свавольная Орда и сынъ его зъ Козаками въ младости будучи, не отерлися легкомыслне о войска Полскіе, и не учинили турбація и шкоди, и для того онъ Хмелницкій совѣтовалъ ему Калиновскому, аби зъ войсками коронными уступилъ на сторону зъ шляху Ладжиинского къ Волохамъ лежащего. Гетманъ Калиновскій тое Хмелницкого писмо вичитавши, и по датѣ оногъ зъ Чигрина писанной непремѣнно Хмелницкого въ Чигринѣ застаючого надѣючися, а ни Татаръ зъ Хмелницкимъ сподѣваючися (поневажъ скритій подездъ Калиновского, прежде wspomненій, донеслъ ему, же Хмелниченко нетилко Татаръ при себѣ не имѣеть, но и въ малой личби Козацкой ку Ладжиину простуетъ), отправилъ тихъ посланцовъ до Хмелницкого зъ листовнимъ комплементалнимъ а фортелнимъ отвѣтомъ, положивши въ своемъ намѣреніи бинаймѣй зъ того отъ Батога мѣстца зъ войскомъ неуступовати, и за конфузію себѣ и всему войску коронному тое вмѣняючи, а пересторогу Хмелницкого за зраду имѣючи. кднби по оному листовному его совѣту мѣлъ зъ шляху Ладжиинского на сторону уступити, и Господара Волоского надъ упевнене Королевское въ небезпеченствѣ отъ Хмелницкого заставити, зваща когда отнюдь (яко вишеи наменилось) ни Хмелницкого, ни Орды, кромѣ одного Хмелниченка въ малой личбѣ зъ Козаками ку себѣ не сподѣвался.

Хмелницкій теде не такъ зъ отвѣту листовного Калиновского, яко баражй зъ словесеного посланцовъ своихъ, донесенія зрозумѣвши Калиновского намѣреніе, еже неподвижне стояти мѣеть на своемъ, до оборони ненадежномъ и неукрѣпленномъ окопами, подъ Батогомъ мѣстцу драгъ

тому былъ вѣсно, и яко самъ зъ войскомъ Козацкимъ наступовавшой тогда noci мѣлъ више Ладжижна Бугъ переправити и на свѣтаню на войска Лядскіе, подъ помененою горою Батогомъ стоявшіе, ударити; такъ и до Карачъ Мурза послалъ, аби тоижъ noci подлугъ змови словесной низше Батога Бугъ переправивши и Хмельницкого битву съ Поляки почувши, вдарилъ зъ Ордами зъ тилу отъ Батога на обози Лядскіе. Що кгда чрезъ ночь тую стало, же войска Козацкіе и Татарскіе чрезъ Бугъ переправили, теди скоро свѣтъ нощніе прогнавши мраки дался людскимъ видѣти очамъ, заразъ Хмельницкій, зо всею войсна Козацкаго потугою, первую въ седмотисячвомъ числѣ више Ладжижна бывшую стражъ Полскую вврубавши, вдарилъ абіе о Ладжижна нечаяно и на все войско коронное въ обозѣ безпечно отпочивавшее, которое нимъ пришло до справи и шикю военного, мусѣлю отъ оружія Козацкаго ущербитися до килконадцяти тысячъ; леть потомъ пришедши до справи, и вигнавши зъ обозу своего Хмельницкого, гди почало на него крѣпко налѣгати и отъ своего обозу о версту и болшей отдалятися, тогда Карачъ Мурза въ чтиродесятотисячномъ числѣ Орды своихъ зъ за Батога, веби дождь силній зъ облака или вихоръ зъ пустиль, несподѣванно випадши, поглонулъ увесь обозъ Лядскій; толко осмь рейментовъ пѣхотнихъ въ одномъ кутѣ обозовомъ, надъ самимъ Бугомъ бывшемъ, приперлося (што безъ арматъ) и Карачъ Мурзъ поглонути не далося. Карачъ Мурза надъ тими рейментами пѣхотними самъ не бавячися, а килконадцять тысячъ Орды для неданя нимъ справитися и до арматъ прибратися, зоставивши, рушилъ врудко отъ обозу Лядскаго за Поляками. Поляки зась оглянувшися и нечаянную силу Ординскую на себе быстро текущую узрѣвши, въ крайнее знали жизни своея отчаяніе и десперацію, и давши плещи своя Хмельницкому, обернулася въ очи Карачъ Мурзъ, хотячи сквозъ Орды прера-

тися до обозу своего уже пропалого и Татарами опанованого; чого егда не доказали тилко къ рейментамъ помененимъ пѣхотнимъ прибралися; тогда немогучи болѣе зтерпѣти крѣпкого мушкетерного огня Хмелницкого и острѣя Ординского, начаша многіе нетилко зъ посполитихъ товариства, но и зъ наиболшихъ чиновниковъ, полковниковъ, ротмистровъ, въ Бугъ рѣку вдаватися. Гетманъ прето Калиновскій якъ шаленій на всѣ стороны мещучися зъ голою шаблею, кричалъ крѣпко и упиная войско свое отъ утѣканя и у Бугъ метаня, а предлагаючи и просячи застановитися въ кроку своемъ противъ непріятеля; однакъ ничого немогучи поради и вскурати престашеному и безъ душѣ мещущемуся въ Бугъ своему войску, приказалъ пилно преречонимъ пѣхотнимъ, отъ шаблѣ Ординской спасшимся, въ кутѣ едномъ обозовомъ надъ самимъ Бугомъ припершимся рейментамъ, зъ оружа на утѣкающее въ Бугъ войско безъ жадного респекту и обзору крѣпко палити и стрѣляти; що кдися стало и гди войска Полского конного отъ своихъ помененихъ пѣхотнихъ рейментовъ до десяти тысячъ на берегу Буга пало, теди тимъ барзѣй Хмелницкій зъ Карачь Мурзою обрадовани зоставши, крѣпчайше всеми силами на Поляковъ онихъ, згола до справи прійти невозможшихъ ударили, и заразъ при всесилной помощи Божественной на многіе части ихъ расторгнувши, погнали ихъ врознь на голихъ шабляхъ докониваючи. Въ якій нещасливій ихъ часъ нетилко многіе коронніе сини, полковники, ротмистри и иніе знаменитіе персони и офѣцери конніе и пѣшіе едни трупомъ пали, другіи въ Бугу вовсе погразнули, третіи ременю Кримскому досталися; але и самъ Калиновскій Гетманъ Полній, на вѣчную ганбу себѣ и всей коронѣ Полской, тоей же не ушолъ пляги; но не единаково о немъ лѣтописци повѣтствуютъ: Твардовскій пишеть глухо, же Гетмана нестало, а Козацкіе лѣтописци твердятъ — едни, вжъ Калиновскій тамъ пойманъ, а другіе

ижъ пойманъ и по указу Хмелницкого стягъ. Якъ кол-
векъ теѣи есть, то уже певная, же тогдашней потреби
не уйшолъ повторне Калиновскій рукъ Козацкихъ. И такъ
тоє множество народа Полского чрезъ оружіе Хмелниц-
кого трупомъ на полѣ Батоговомъ polegши, инную многую
браттю свою Татарскому оставиша соблюденію. Лупи ин-
ніи обозовіи здобичи уступилъ Хмелницкій Татаромъ, собѣ
тылко забравши артилерію со всѣми до ней надлежащими
многими припасами, въ которой арматъ было меншихъ и
болшихъ пятьдесятъ осмъ штукъ; Козакамъ зась здобичъ
тылко досталася на трупахъ Лядскихъ и на Полякахъ въ
полю ійманихъ. Усмотрѣвши потимъ Хмелницкій тоє, же
въ рукахъ Татарскихъ много найдуется товариства Пол-
ского значного и рядового, и жалѣючи оногѣ даби не-
пошли все въ далшую и нужнѣйшую неволю Крымскую,
просилъ Карачъ Мурзи и Татаръ, аби ему оногѣ за денги
уступили; на що они латво зклонившися, учинили торгъ
зъ Хмелницкимъ, и певною цѣною уступили и отдали ихъ
Хмелницкому двѣстѣ пятьдесятъ шесть человекъ виборнѣй-
шихъ, за которихъ Хмелницкій тамъ же цалезитую по-
длугъ торгу сумму Татарамъ отдавши (бо и прошенъ былъ
о тоє благодѣяніе отъ пойманцовъ онихъ Полскихъ, зъ
обѣщаніемъ сугубихъ за себе денегъ), и надъ то ихъ
уконтентовавши, отправилъ заразъ ихъ всѣхъ при добрихъ
приставахъ своихъ до Чигрина; а Карачъ Мурзу просилъ,
аби здобитими лупами и ясирами не отягчаючися, отпра-
вилъ ихъ въ Крымъ, а самъ зъ Ордами влегцѣ далшой
военной ему Хмелницкому на Подоле и Побуже допомоглъ
компанѣи, що и сталося подлугъ Хмелницкого желанія. А що
пишетъ Твардовскій о троухъ стахъ неволникахъ Лядскихъ
Хмелницкому отъ Татаръ виданихъ и тамъ же порубанихъ,
то на правду непоходило, гдиже викупленихъ неволниковъ,
на утрату своихъ денегъ за нихъ Ордѣ даннихъ, неподоб-
на аби рубалъ Хмелницкій; Орда зась жеби своихъ не-

волниковъ даромъ мѣла дати Хмелницкому на вирубане, то и овшемъ рѣчь то есть вѣроятію недостойна. Що зась трупи непогребенніе Лядскіе на Батогу зоставилъ Хмелницкій—то есть правда; бо забѣраючи свою импрезу на Подолле, оставилъ трупи, а приказалъ Ладижинцамъ похоронити оніе, которіе колко ихъ возмогли толко ихъ и похоронили, прочіе оставивши верхоземному истлѣнію. Мню же азъ, яко и Король по виграной Берестецкой надъ Хмелницкимъ и Ханомъ виторіи, а особливе на Пляшовцѣ въ окопахъ Козацкихъ, труповъ нетилко Козацкихъ и Ординскихъ, но и своихъ Лядскихъ для множества ихъ всѣхъ ховати неизволилъ (яко же и есть тако), маючи предъ очима далшое по намѣренію своему, хочъ оное и неисполнилося, на Украину путешествіе.

Р О З Д Ъ Л Ъ І V .

О щасливой на Батогу надъ Полски вѣкторіи Хмелницкого; о рушеню его отъ толь зъ доброю надеждою подъ Камянецъ; о омилвшой его тамъ надеждѣ, и о страху въ Полцѣ зъ пораженіихъ на Батогу войскъ ихъ; о писму Хмелницкого въ Камянецъ, и о отвѣтѣ зъ него на оное; о шамраню Ординскою подъ Камянецемъ на Хмелницкого и о утоленіи оногю; о збранюся новихъ войскъ Полскихъ на Хмелницкого; о уступленю его отъ Камянца во свояси, и о роспущеню войскъ своихъ въ доми ихъ; о писмѣ Хмелницкого до Господара Волоского взглядомъ святства и веселя; о виправѣ на веселе до Ясъ сина Тимоша; о стрѣчи и принятю его въ Ясахъ; о уконченю тамъ акту веселного; о прибытю отъ толь въ Чигринъ зъ новополюбленою женою Дожною Господаровною, и о радости Хмелницкого зъ того пріятелства. О тишинѣ тогда на Украинѣ, по вѣйстю Ляховъ въ Полцу, и о Домарацкомъ; о возвращеніи Козакахъ на свои первіи житя, и о моровомъ тогдашномъ повѣтру.

Такъ сромотную шкодливую и жалосную Полякамъ, себѣ же веселую и благополучную Хмелницкій на Батогу одержавши вѣкторію, попустилъ и далѣи тизкенювъ своей военной охотѣ; а знаючи чрезъ збѣговъ, же въ Камянцу Подолскомъ многая шляхта зъ многими увезлася скарбами, намѣрилъ туда безъ забави зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ и Ординскимъ зъ Карачъ Мурзою бывшимъ завитати, надеженъ будучи тогдашнимъ вѣдомостямъ, же и Камянецъ Подолскій, для нужди и гладу въ немъ пановавшого, мо-

жетъ ему вскорѣ безъ военного отпору поклонитися; отколь если би такъ сталося, намѣриваль и сина своего Тимоша до Ясъ на веселе виправити, и Камянецкою здобичю Орду довольно уоконтентовати. Въ Полщѣ зась кгда дойшло вѣдати о знесею на голову подъ Батогомъ войскъ Полскихъ чрезъ Хмельницкого, абіе страхъ и ужась и все дѣявіе, по Корсунской пораждѣ бывшое, въ ней отновлюся и уродилося. Но размыслившися и Камянецкій походъ отложивши, любо рушилъ былъ ку Лвову и далѣй въ Полщу, мѣючи всюди край отвореній и безоборонній; однакъ певними вѣякимись причинами, чили особливими судьбами Божіими отъ намѣренія того возбраненій, престаль оного, и завернувшися отъ Вѣницѣ потягль ку Камянцу Подолскому. Где достигнувши и оній зъ Ордами крѣпко и тѣсно облегли, любо зъ початку певень былъ зъ него своего облову и користи, однакъ по килко неделномъ подъ онимъ умедлѣніи, увидѣвши суетную надежду свою, писалъ въ Камянець листъ свой ознаймуючи (ижъ болшіе на Батогу нежели подъ Корсуномъ поразилъ на голову войска Полскіе зъ Гетманомъ Калиновскимъ бывшіе, и Гетманъ самій неувойшолъ рукъ его, и артилерія коронная ему досталася; для чого уже нетилко шляхта позосталая удавшися въ забѣги до крѣпкихъ своихъ фортець и замковъ, а другая до Висли вицѣнъ и береговъ морскихъ очи обернувши, але и самъ Король отъ своей столицѣ въ Нѣмецкіе стороны прудко умкнувши, зоставили Полщу всю безъ людей военныхъ пугу и цѣлости своей безнадежну) и предлагаючи имъ облеженцамъ Камянецкимъ, абі немордуючи себе тѣснимъ облеженемъ, поклонилися ему Хмельницкому доброволне и амунѣцію военную Камянецкую видали. На що кгда прикрій отъ облеженцовъ ему учивень отвѣтъ, теди тимъ барзѣй тѣснѣйше Камянець облегли, началъ крѣпко на оній зъ арматъ бити; але трудно было Камянцу, всесилою Божією десницею уфундо-

ванному що сотворити, развѣ би гладомъ виморити. Лечь Орда неподобную рѣчь до добытя Камянца познавши и тщетній трудъ Хмелницкого въ добываню увидѣвши, вознегодовала на него, что не певною зъ добычи Камянецкой платою ихъ заведши, и подѣ Камянцемъ задержавши, такого часу до утрати привелъ ихъ, чрезъ которій би они ажъ изъ за Висли зъ плѣномъ и здобичами Лядскими повернути могли; въ якой мѣрѣ обачивши Хмелницкій вину свою, уконтентовалъ скрито Карачь Мурзу певними подарунками, а инихъ начальниковъ Ординскихъ удоволствовалъ кормами и напитками, и такъ шемране Ординское престало.

Въ тимъ часѣ дошло вѣдати Хмелницкому, же войска Полскіе на Украинѣ коло Нѣжина, Ромна, Гадяча, и инихъ городовъ на консистенціяхъ бывшии, собравшиися притягли ко Хвостову, и же самъ Король тожъ зъ войсками на него прибѣрается и отъ Висли рушати хочеть, рушилъ и самъ зъ подѣ Камянца ничего оному не зашкодивши; а прибывши зо всѣмъ до Бѣлогородки Кіевской, выпустилъ войско свое и Ординское отъ толь по домахъ ихъ, войска помененного Полского зъ Украины вишлого, а чрезъ Полѣсе и Волинь ку Королю удавшася, нигде въ дорозѣ не нагабавши. Самъ тежъ въ Чягришъ прибывши и до Господара Волоского (жеби непремѣнно готовался на веселе) зъ листомъ гонца пославши, вскорѣ виправилъ за нимъ и Тимоша сына своего зъ Виговскимъ на веселе, въ десяти тысячахъ Козацкихъ молодцовъ добрихъ; а въ листѣ своемъ чрезъ гонца посланномъ (пишетъ Твардовскій) виразилъ будто Хмелницкій такіе до Господара слова: «звязку нашего пріятельского не рачь ваша велможность отмѣняти, и неотмовляй синовѣ моему цорки своей видати въ малженство; родовитостю своею и титуломъ непровозносися, знаючи тое, ижъ великимъ бытъ вящша есть чрезъ себе самому, а пезелн по чіемъ уроженю кому. Видишь

ясно же около свѣтъ мене трепещеть, Ляховъ на голову килкокротне поразилемъ, и анѣмупъ ихъ такъ имъ сказилемъ, же уже противко миѣ впередъ повставать нѣгди не отважатся, и нетилко ради будутъ такому покою якій имъ восхошу дати, но и пактъ Зборовскихъ чрезъ ихъ килко кротъ умкненихъ и зкасованихъ жебрати будутъ; а если би ваша велможность неизволилъ того пріятства учинити по волѣ, то и по неволѣ мусѣтимешъ.» Якимъ Хмелницкого листомъ Господаръ престашений и затурбованій, а зъ оборони и защиту отъ Поляковъ обѣщаного обнаженій, немогучи ившой собѣ прибирати ради, склонился до непремѣнного зъ Хмелницкимъ пріятства. Потимъ вскорѣй, кгда зближался до Ясъ Хмелниченко, виѣхалъ противъ ему о милоу въ стрѣчу, зъ значною ассистенціею, дворникъ великій Господарскій; а за нимъ въ тропи, о чверть милѣ отъ Ясъ, зъ значнимъ и свѣтно убранимъ бояръ своихъ кгрономъ, виѣхалъ и самъ Господаръ въ стрѣчу жъ, которого Хмелниченко, зсѣдши зъ коня низкимъ привиталъ уклономъ, при недолгой мовѣ Виговского; а отъ Господара тожъ взаемъ привитанъ привѣтомъ отческимъ и поцелованемъ въ голову. За тимъ при вдячній трембачовъ и бубновъ войсковихъ своей музице, гучно и бучно вехалъ до Ясъ Хмелниченко, и яко первого, такъ другого, третьего и иишихъ дней акту веселного, при невдячнихъ Сербскихъ и Турецкихъ музыкахъ, зо всею ассистенціею пріимованъ влячне и отпущенъ зъ новопошлюбленою Хмелницкого невѣсткою до Чигрина. Якихъ гостей Хмелницкій радостно принявши, былъ того благодаренъ, ижъ добрихъ себѣ набылъ союзниковъ и пріятелей. тоестъ зъ одной стороны Хана зъ Ордами, а зъ другой Господара свата зъ Волохами.

А по той войнѣ на Батогу отправившойся, люде на Украинѣ чрезъ лѣто тихо и безъ консистентовъ Полскихъ посидѣли; бо войска Полскіе и иишая шляхта, зачувши

о побѣдѣ на Батогу чрезъ Хмельницкого войскъ своихъ, вѣшли спѣшно и зъ многымъ страхомъ до Полскихъ, а панъ Домарацкій зъ иными панами, въ надеждѣ спасенія своего отъ бѣды тогдашней, небѣгучи въ Польшу побѣгъ зъ Прилуки до Конотопу, которого по приказу Сомка полковника Прилуцкого, Яско-Воронко бывшій полковникъ Прилуцкій же зъ Козаками у Подлипного села нагнавши, головки имъ поотрубовалъ.

Того жъ лѣта еще гнѣвъ Божій розными непостижимого смотрѣнія Своего дѣйствіями человекѣ грѣшніа наказующи, спедѣлъ на Украинну Малоросійскую, по обохъ сторонахъ рѣки Днѣпра застающую, и ударѣ на ню пращею смертоносною тако, яко многіе въ Кіевѣ и иныхъ городахъ и селехъ Малоросійскихъ жизни сея временнія лишитися и въ персть вселитися принуждени бяху. А инніи зъ своихъ жилищъ въ Кролевщину вигнаніи, воспятъ паки возвратишася, и въ своихъ прежнихъ обитаніяхъ жити начаша.

Р О З Д Ъ Л Ъ V.

О экскузациі Хмельницкого чрезъ листъ и нарочнихъ посланихъ до Короля зъ поражки на Батогу Калиновского; о зальценю его своей ку коронѣ зчливости, и о постереженю въ томъ его коварства и обиди; о отправленихъ отъ Короля нязчимъ его посланикахъ; о сеймахъ тежъ и сеймикахъ въ Польшу бывшихъ, на войну противъ Хмельницкого войска платнии и денги на нихъ Королевъ абрати совѣтовавшихъ.

Укончивши Хмельницкій подлугъ желанія своего щасливое военное вишѣ писанное на Батогу дѣланіе и веселній актъ Тимошу сину своему, отважился и Короля Яна-

Казьмира обмановати своимъ чрезъ нарочнихъ посланцовъ писаніемъ, экскузуячися въ немъ зъ поражки на Батогу Калиновского, же то сталося безъ его волѣ, и же перестерегалъ онъ листомъ своимъ его Калиновского, ознаймуючи ижъ виправовалъ до Волохъ на веселе зъ Козаками и Татарами сина своего, и желаючи аби онъ Калиновскій заступлений до Волохъ шляхъ попустилъ ему, а дивуючися, же онъ Калиновскій тоей перестороги и прошенія его Хмелницкого не послушалъ и не исполнилъ, но дождался на томъ мѣстцу подь Батогомъ сина его, зъ сваволною для остороги здоровья его приданюю ему Ордою, и нетилко шляху волного але тежъ води хотѣлъ заборонити и повѣтра; чимъ онъ, синъ его, оскорблений будучи, и о бокъ войскъ Польскихъ зъ помененою Ордою и Козаками приразившись, учинилъ въ нихъ безъ вѣдома его Хмелницкого турбацію и шкоду, за що аби Королевское Величество уражатися на него Хмелницкого нерачилъ, просилъ унѣжоне; докладаючи и тое, ижъ еслиби не онъ Хмелницкій сваволною розстервившюся и заюшеную Орду, своимъ тщаливимъ старанемъ по всѣмъ лѣтамъ прошлій гамовалъ и упинялъ, жалѣючи всегда держави корони Польской, то певне оная и по за Вислюю зъ своими чамбулами моглаби кррасовати и корону опустошивати; для чого певень есть ласки и милосердія Королевского, же проступокъ сина его на Батогу станулій пробачень ему будетъ; а еслиби иначе быти мѣло, то мусить подь иного зъ постороннихъ Монарховъ пана оборону и протекцію удатися; едиакъ зъ тимъ квапитися nebudeтъ, поколь не одержить отъ Его Королевского Величества отвѣта и упевненія о непремѣнной ку себѣ ласки его панской.

На якій листъ здалося тогда Королевѣ и сенаторамъ до Хмелницкого не отвѣтовати, поневажъ усмотрѣнъ онъ зъ облудою и шидерствомъ маестату Королевского. Тимъ часомъ зачалися въ Полщѣ отправовати сейми и сеймики, на которихъ не иное що постановляно тилко тое, аби

знову зъ Хмелницкимъ война была зачата, на которую аби посполитого рушеня не двигано, тлько кварцбляного войска пятьдесятъ тысячъ аби было зобрано, и денежнѣе побори на тое войско аби въ повѣтахъ были уставлени и збирави; а посланники Хмелницкого нижчимъ отъ Короля повернулись.

Р О З Д Ъ Л Ъ VI.

О повторнихъ Хмелницкого до Короля посланикахъ, уже не зъ экскузаціею но зъ повинною за поражку Батоговскую Калмиовского, и изпрошеніемъ комисаровъ для помъркованя Зборовскихъ и Бблоцерковскихъ пактовъ къ лутшой ползъ Малоросійской, обѣцуючи по себѣ и войну и братерство зъ Татарами вовсе отринути; о виправъ отъ Короля къ Хмелницкому двоухъ персонъ для розговору о кондиціяхъ предлагающихся, о стрѣчи ихъ и о прилятію; о розмовъ зъ ними Хмелницкого жестокой, и о отправъ ихъ Королю противной; о войскахъ Полскихъ по ординанцу Королевскомъ до Ковля прибылыхъ, на Гетмана своего для скудостей реттавшихъ и около Ковля зимовавшихъ, прибѣраючись на Украину и Хмелницкого, и о препятіи имъ походу зимного на Украину.

Недель въ килко потимъ знову Хмелницкій виправилъ до Короля пословъ своихъ зъ писемомъ, уже не экскузуючися зъ поражки Батоговской, но упокоряючися въ своемъ проступствѣ Королевскому Величеству, а просячи о зослане комиссаровъ, которіи би разсмотрѣвши и слушне уваживши обое пакта прежніе, то есть Зборовскіе и Бблоцерковскіе, умодеровали и помърковали къ лутшому войска Запорожского и всего народа Украинно-Малоросійского

доводству и житію: а онъ Хмелницікій, бридячися уже многолѣтною и многокровоною войною, нетилко готовъ оную отставити, але на желаніе корони Полской и союзъ съ Ханомъ вовсе розорвати. На якое писмо Хмелницкого, любо зъ початку мало дбаль Королевское Величество невѣрячи оному, однакъ потомъ раземотрѣвшись, а комисаровъ разъ до него непосилаючи, жеби непоткало ихъ тое що поткало и прежнихъ во Бѣлоі Церквѣ, виправилъ къ нему значнихъ двоухъ зъ шляхти Руской, еще року 1645 на Мерлѣ, кгда противъ Полгора—Кожуха Ляхи зъ Козаками ходили, зъ нимъ Хмелницикимъ обознавшихся и побратавшихся, Зацвѣлховского и Черного, приказавши имъ аби сказали Хмелницкому, же если зъ двоухъ синовъ своихъ одного отпуститъ до Короля въ заставу, для слушного вѣроятія, а зъ Татарами и за мѣсяць найдалѣй если ся розбратаеть, то и комисари подъ Кіевъ къ нему прислаани будутъ, и жеби они послн зъ цери и розмови Хмелницкого зрозумѣли если онъ щире ищетъ ласки Королевской. Тин прето персони, отъ Короля виправленіе, зближаючи до Чигрина когда дали о себѣ знати Хмелницкому, тогда отъ него въ полтора ста коней виправленъ въ стрѣчу Тимошъ синъ его, которій о полъ милѣ отъ Чигрина ихъ встрѣтивши и вдячне привитавши, въ Чигринъ припровадилъ въ домъ отца своего, въ которомъ и самъ Хмелницікій, вишедши на ганокъ, вдячнимъ и веселимъ лицемъ привиталъ ихъ; потимъ обѣдано и многократне за здорове Королевское и войска Запорожского випиваючихъ за армать поздоровляно. Переночовавши кгда пришли послове оніе до Хмелницкого для справованя своего посолства, то услышали отъ него зъ початку самого такіе слова: что дивовался онъ тому, ижъ оніе будучи значними персонами важилися въ такой огонь къ нему йхати, где всюди повѣтре моровое воюеть, тилко самій Чигринъ та Суботовъ отъ него зостають волними. Затимъ при розмовахъ ин-

шихъ гди послове тїи предложили Хмелницкому поселства своего дѣлю, взглядомъ посланя сина въ закладъ до Короля и взглядомъ розбратаняся зъ Татарами, тогда Хмелницкій тимъ розятреній вхопившись за шаблю у бока его бывшую, отповѣдилъ имъ: «если би хто иншій, а не они, его знаемци и други были къ нему зъ тимъ поселствомъ прислани, певне иначе би зъ ними могъ поступити» — впрекъ тежъ къ нимъ и то — «не видите ли моей къ вамъ Полякамъ склонности и респекту, же знеси васъ теперъ на Батогу, нетілко моглибъ васъ вконецъ знищити и разорити, але пославши многіе полки Козацкіе и Татарскіе могъ бимъ васъ и за самій Римъ загнати.» Щотимъ, когда послі Королевскіе умѣреними и ладними слови гнѣвъ Хмелницкого укротили, а на кондиціи въ листѣ Хмелницкого до Короля положеніи, и отъ Короля имъ посламъ ку Хмелницкому сказаніи отвѣта просили, тогда таковой отъ него одержали, отвѣтъ: ижъ зъ Татарами ему розвестися рѣчь есть неподобна; а комисія и тогда неутечетъ когда войны престанетъ пора, которой хочу мѣти самого Короля директомъ; а въ якій часъ и где оную похощетъ отправити, то въ его Королевской пехай будетъ волѣ. Сина зась въ заставѣ посилати отнюдъ невозможно для того, ижъ еденъ въ дитинихъ зостаеъ лѣтехъ, а другій для свѣжого ожененяся неприличенъ посилатися на такую функцію; можетъ еднакъ (мовилъ къ посламъ Хмелницкій) и на иншую зобратися заставу, если впредь того всего Король на ненарушане пактъ Зборовскихъ поприсягнетъ.

Зъ чимъ послі преречоніи кди повернулися, и все дѣйствіе поселства своего Королевѣ рассказали, то заразъ Король заслалъ ординанцъ Воеводѣ Подолскому, новому по Калиновскомъ Гетману Полному, аби рушилъ зъ войскомъ, якого было въ згромаженю не много, ку Украинѣ и стануль обозомъ подъ Ковлемъ; где Гетманъ станувши ждалъ большого згромаженя войскового, утерпѣваючи отъ войска

своего многое шемране и до звязковъ охоту, за неукон-
тентоване оногo кормами и денгами.

Тамъ подъ Ковлемъ ажъ до посту Филиповского стоячи, кгда множество собралъ войска Полского, тогда болшій въ немъ уродился голодъ и на Гетмана роптаніе, для чого мусѣль о три милѣ вколо отъ Ковля все войско на зимовіе распустити квартири; бо любо и зима уже тогда была настала, однакъ совѣтамъ ихъ людскимъ, на разореніе Украинѣ укнованимъ, возбранила своими мокротами, всегдашними сліотами и приморозками, недопустивши зъ войскомъ и обозами тягнути на Украинцу.

